

визации, чтобы оказаться на той вершине, на которой он находится в настоящее время. Сравнивая его влекущийся шаг с быстрым полетом нашего народа к той же цели, говорят о чуде. Удивительно всеисиле творческого гения, который, вырвав Россию из летаргического сна, в который она была погружена, направил ее на пути света с такой силой, что по прошествии малого числа лет мы находимся впереди вместе с народами, которые многие века обгоняли нас. Но здесь другие идеи и новые образы теснятся в моем уме: достаточно ли прочны сооружения, воздвигаемые с излишней поспешностью? Шествие природы не является ли всегда постепенным и медленным? Блистательная иррегулярность может ли быть устойчивой и прочной? Вырастают ли великие люди из детей, которые с самого раннего возраста обучаются слишком многому?... Я умолкаю» (453).

В окончательном тексте «Писем» этого текста нет. Вместо него там помещено краткое и менее содержательное прощание:

«Я оставил тебя, любезный Париж, оставил с сожалением и благодарностию! Среди шумных явлений твоих жил я спокойно и весело, как беспечный гражданин вселенной; смотрел на твоё волнение с тихою душою, как мирный пастырь смотрит с горы на бурное море. Ни Якобинцы, ни Аристократы твои не сделали мне никакого зла; я слышал споры, и не спорил; ходил в великолепные храмы твои наслаждаться глазами и слухом: там, где светозарный бог Искусств сияет в лучах ума и талантов; там, где Гений славы величественно покоится на лаврах! Я не умел описать всех приятных впечатлений своих, не умел всем пользоваться, но выехал из тебя не с пустою душою: в ней остались идеи и воспоминания! Может быть, когда-нибудь еще увижу тебя и сравню прежнее с настоящим; может быть, порадуюсь тогда большею зрелостию своего духа или вздохну о потерянной живости чувства. С каким удовольствием взшел бы я еще на гору Валерианскую, откуда взор мой летал по твоим живописным окрестностям! С каким удовольствием, сидя во мраке Булонского леса, снова развернул бы перед собою свиток Истории, чтобы найти в ней предсказание будущего! Может быть, тогда все темное для меня разъяснится; может быть, тогда еще более полюблю человечество; или, закрыв летописи, перестану заниматься его судьбою...» (321).

К слову об Истории Карамзин сделал примечание: «В Булонском лесу читал я Мабльеvu историю французского правления (*Observation sur l'histoire de France. 1765*)».

Суммируя факты и гипотезы, можно найти такое объяснение хода работы над «Письмами».

Предположительно считаю, что немецкие и швейцарские письма были написаны в Швейцарии, парижские и лондонские — в Москве. Сдержанно, но не без удовлетворения, Карамзин писал в «Зрителе»: «Прилагаемые здесь выдержки из одного прозаическо-